

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

На правах рукописи

МИРОНОВА Татьяна Анатольевна

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ
В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Специальность 10.02.01 — русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1992

Работа выполнена в отделе стилистики и языка художественной литературы Института русского языка РАН.

Научный руководитель: доктор филологических наук
В.Н.Виноградова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор В.Н.Прохорова

кандидат филологических наук
Л.К.Чельцова

ЛННБ України ім.В.Стефаніка

00816171 (O)

Ведущее научное учреждение: Университет Дружбы народов
им. П. Лумумбы

Защита состоится "11" 06 1992 г. в 14 часов
на заседании специализированного совета Д.002.19.01 при
Институте русского языка РАН /121019, Москва, ул.Волхонка 18/2/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
русского языка РАН.

Автореферат разослан "7" 05 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

В.Н.Белоусов

ЛННБ ім. В. Стефаніка
АН УРСР

Стилистический аспект морфологических категорий остается в современной лингвистической поэтике наименее разработанным. Это объясняется тем, что по сравнению с единицами различных уровней языковой структуры экспрессивные возможности грамматических средств менее заметны: грамматические формы довольно устойчивы, их нормы носят обязательный характер, и это препятствует их индивидуально-авторской трансформации. Как писал Р.Якобсон в работе "Вопросы поэтики", "эта устойчивость находит разительное подтверждение в том активном сопротивлении, которое оказывают грамматические структуры требованиям экспериментальной поэзии"¹. Той же устойчивостью характеризуются функции грамматических форм в художественной прозе.

При отсутствии специальной "установки на выражение" (Р. Якобсон) роль грамматических форм аналогична так называемым "упаковочным средствам" (Л.Шерба), против наличия которых, как известно, возражали в свое время сторонники теории "общей образности" художественного текста (А.Пешковский). Однако важно то, что и противники и сторонники идеи "общей образности" отмечают необходимость выделения и описания экспрессивных потенций морфологического уровня.

О сути стилистического подхода в грамматике писал в 1921 году В.М.Жирмунский в статье "Задачи поэтики": "Поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую дает нам лингвистика. Каждый из этих фактов, подчиненный художественному заданию, становится тем самым поэтическим приемом. Таким образом, каждой главе науки о языке

¹ Якобсон Р. Вопросы поэтики. М., 1987, с. 84.

должна соответствовать острая глава теоретической поэтики¹.

"Произвольно-условное значение"² грамматических форм при его актуализации в художественной речи становится элементом смысла: "не только отдельные слова или словосочетания, вообще не только те элементы языка, которые передают вещественное содержание, но также и грамматические средства языка в художественной речи могут служить предметом художественной рефлексии"³.

В диссертации исследуются выразительные возможности тесно связанных между собой грамматических категорий рода и числа имени существительного. Способность к метафорическому употреблению у форм рода и числа различна и определяется характером этих категорий.

Грамматический род имени существительного — классифицирующая категория, тесно связанная с лексическим значением слова, что определяет повышенную способность форм рода к метафоризации.

Грамматическое число имени существительного — словоизменятельная категория. Метафорическое употребление форм числа основывается на грамматическом значении. Однако нельзя не учитывать непосредственную зависимость функционирования числа от лексико-семантических разрядов имен существительных, что также влияет на способность той или иной формы к выражению переносных значений.

Исследование выразительного потенциала морфологических категорий рода и числа имеет давнюю традицию. Русские грамма-

¹ Жирмунский В.М. Теория литературн. Поэтика. Стилястика. Л., 1979, с. 28.

² Винокур Г.О. Избр. работы по рус. яз. М., 1959, с.390.

³ Там же, с. 250.

тики, лингвистические исследования, посвященные как общим грамматическим вопросам, так и проблемам языка художественной литературы, основываются на подходе М.В.Ломоносова к исследованию языка, при котором стилистическое изучение речевых средств является завершающим этапом их грамматического изучения. На роль грамматических категорий в создании художественного образа указывалось в трудах А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, В.А.Богородицкого, А.А.Потебни, а также Л.В.Щербы, Г.О.Винокура, А.А.Веформатского. Важные наблюдения над стилистическими возможностями грамматических форм сделаны В.В.Виноградовым в книге "Русский язык" и отдельных работах по стилистике. Функционированию указанных категорий в различных стилях речи посвящены работы М.Н.Кожинной, Е.В.Красильниковой, Л.К.Граудиной, Л.К.Чельцовой, Е.П.Захаровой и др.

Немалый вклад в изучение эстетических возможностей рода и числа имен существительных в поэтической речи внесли работы О.Г.Ревзиной, В.П.Ковалева, Т.В.Шанской, И.А.Ионовой, Я.И.Гина и др.

Несмотря на существующие работы по данной проблеме и заметное продвижение в ее решении на настоящем этапе, в современной лингвистической поэтике отсутствует полное и системное описание выразительных возможностей морфологических категорий. Это объясняется рядом объективных причин, среди которых отсутствие единого мнения по отдельным вопросам описательной грамматики, необходимость уточнения и конкретизации понятия лингво-поэтической нормы (применительно к грамматике) в ее отношении к общезыковой и идиостилевой нормам на материале разного типа текстов.

Таким образом, актуальность темы диссертации определяется

необходимостью изучения выразительности морфологических категорий рода и числа имени существительного как одного из слагаемых поэтики грамматических категорий.

Описание экспрессивных возможностей категории рода и числа имени в художественной прозе предполагает решение следующих задач:

- выявление принципов отбора стилистически значимых форм рода и числа имени существительного согласно определенному стилистическому заданию;

- выявление возможностей создания экспрессивных форм рода и числа имени существительного по существующим в языке моделям, а также окказиональных форм рода и числа;

- выявление в художественной речи изобразительных приемов использования морфологических категорий;

- определение зависимости указанных приемов от типов речи (речь с ориентацией на характерологичность или литературность изложения), а также от жанрово-стилистических особенностей художественного текста.

Материалом исследования послужили произведения русской художественной прозы XX века. Не заданный первоначально круг авторов в процессе поиска материала был очерчен по принципу выбора контрастных текстов, т.к. именно в них отчетливо выявляется функционально-стилистическое использование указанных морфологических категорий. С одной стороны, привлекались тексты орнаментальной прозы как тексты "усиленного типа" (В.Н.Топоров) и прозы поэтов. С другой стороны - исследовались социально окрашенные типы текстов, ориентированные на характерологичность изложения. При анализе материала учитывались также виды повествования: прямая речь, несобственно-прямая речь, речь

автора "от себя". Основной материал получен из произведений А.Аверченко, В.Аксенова, А.Белого, М.Булгакова, С.Кржижановского, Б.Лавренева, А.Малышкина, Б.Пастернака, Б.Пильняка, Ю.Полякова, Н.Тэффи, Т.Толстой, В.Шукшина, М.Цветаевой и др. Для сопоставления привлекались примеры из стихотворной и публицистической речи.

Использованные в работе принципы анализа материала могут быть полезны при выработке общей методика лингвопоэтических исследований грамматических категорий. Представленный материал может применяться при составлении функциональных грамматик, пособий по теоретической и практической стилистике, а также при чтении различных курсов и спецсеминаров в вузах, преподавании лингвистических и литературоведческих дисциплин в школе.

Результаты исследования докладывались на научной конференции "В.Шукшин. Жизнь и творчество" (г.Барнаул, июль 1989 г.), на XII научной конференции болгарских аспирантов (г.Москва, июнь 1990 г.), на конференции "Лингвистическая семантика и прагматика" (г.Харьков, май 1991 г.), а также изложены в публикациях.

Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Приложения, содержащего перечень основных источников.

Во Введении представлен краткий очерк истории изучения данной проблемы, определяются цели, задачи и материал исследования, а также обосновываются принципы стилистического анализа грамматических явлений.

С учетом парадигматического и синтагматического аспектов языковой системы описание представлено с точки зрения стилистики единиц и с точки зрения стилистики последовательностей¹,

¹ Формулировки из кн.: Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики.

или текста.

Первый подход предполагает, что экспрессия создается самой языковой единицей, безотносительно к ее контекстному окружению. При этом можно разграничить два пути создания выразительности: первый – ориентированный на форму, основан на нарушении грамматических норм или отступлении от них, нацелен на создание эффекта "затрудненной формы", ведущей к деавтоматизации восприятия; второй – ориентирован на семантику категорий рода и числа, опираясь на нормативные образования. Подход с точки зрения стилистики последовательностей предполагает, что экспрессия создается не самой единицей (нормативной или ненормативной), а фактом ее соотношения с другими единицами словесной цепи, т.е. в данном случае решающую роль играют внутритекстовые связи и ассоциации. Мы исходим из того, что художественный текст несет как первичные общезыковые значения, так и "вторичные, возникающие за счет синтагматической переорганизованности текста и со-противопоставленности первичных единиц"¹.

Разумеется, использование единиц также мотивировано художественным текстом, который, в свою очередь, определяет возникновение у них дополнительных смыслов и значений.

Вышесказанное определяло внутреннюю структуру каждой главы.

Глава 1. Стилистические функции грамматической категории рода в художественной прозе. В § 1 с точки зрения стилистики единиц описывается использование стилистически отмеченных форм рода.

¹ Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникация в системе культур// Труды по знаковым системам. У1. Тарту, 1973, с. 227-243.

1.1. Самую многочисленную группу составляют примеры употребления лексем различного рода для экспрессивного названия лиц. Так, в художественной прозе с целью выполнения определенного эстетического задания отбираются имеющиеся в языке маркированные формы (например, разговорные типа агрономша, геологиня и т.п.). Кроме этого яркой приметой художественной речи, отражающей речь героя и субъективированное авторское повествование, является создание экспрессивных форм по существующим моделям (например, икбанщица, генералиссимусша, русал и т.п.).

В художественной прозе активно представлены различные виды переносов по типу "лицо - лицо" - использование форм мужского рода для названия лиц женского пола, а форм женского рода для названия лиц мужского пола, которые некоторыми исследователями определяются как грамматическая метафора. В авторской речи и репликах персонажей экспрессивно-образные обозначения выполняют функцию характеристики, или предикации. Например: - Дуняшка сперла, косою черт (Н.Тэффи. Вислужился); Она умный мужик (Л.Борич. С утра до утра); Юра так легко мог быть красавицей, а Володя - уж никакими словами (М.Цветаева. Повесть о Сонечке).

Самостоятельную группу составляют случаи переносного использования лексем различного рода по типу "не лицо - лицо". Образность в этих случаях создается не за счет категории рода, но несоответствие между родовой принадлежностью номинации и полом называемого лица повышает экспрессию переносного использования существительных. Например: Эдакий парень - ягода наливная! (Н.Тэффи. Веселая вечеринка); ...Вдруг какая-то девочка - белый такой комар - с криком бросается на шею к Марьявине... (Т.Толстая. Любишь - не любишь).

В целях экспрессивной номинации лиц активно используются формы среднего рода. Отвлеченность от значения пола, которой характеризуется данная категория в языке, позволяет передать в художественной речи широкую гамму эмоционально-оценочных оттенков - от презрительных, ироничных до возвышенных. Например: Именно вчера это упрямое чудище Борька ввалился в комнату на обледеневших ногах, в снегу с головы до ног... (В.Липатов. Повесть без названия, сюжета и конца). В следующем примере автор после колебаний отдает предпочтение форме среднего рода, как бы вбирающей все родовые значения, независимо от пола: ...Когда я с сыном, тот (та?), нет - то, что пишет тебе и любит тебя, не должно быть рядом (М.Цветаева - Р.-М.Рильке).

Выразительность существительных общего рода определяется прежде всего принадлежностью к оценочной лексике. Разговорная окраска многих из них позволяет употреблять их в качестве характерологического средства в речи персонажей и в авторском повествовании, например: Но семейное предание о самолете родилось в еще неприметном поселке: большая кроха, которую называет Денис Сумаедов, росточек человека (С.Есян. Соглядатай).

1.2. Грамматическая система русского языка характеризуется наличием родовых вариантов отдельных лексем. В зависимости от причин возникновения и стилистической окраски варианты форм можно объединить в группы, в которых одна из параллельных форм является: а) архаичной; б) просторечной или диалектной; в) индивидуально-авторским образованием. Все они активно включаются в поэтическую речь с различным функциональным и эстетическим заданием, что повышает информативность текста и способствует его выразительности.

Большинство архаизованных форм для современного читателя,

восприятие которого не всегда совпадает с авторским, является одним из важных элементов языка конкретного исторического периода, когда те или иные лексемы не имели родовых вариантов, а были единственно возможными, например: фильма, гарнитура и др. Просторечные и диалектные образования в художественной речи служат для речевой характеристики персонажа, его социального положения, места жительства, например: - Сам знаешь, время смутная, а ты - барин (Б.Пильняк. Голый год); - Может, от вашего незнания должен к стенке идти, потому некому мне было настоящую путь показать (Б.Лавренев. Седьмой спутник).

Нередко в целях экспрессивной номинации в авторской речи и речи персонажей используются окказиональные образования форм рода. Например, возможно изменение родовой принадлежности собственного имени: Сижу на берегу пруда, такой длинный, небратный Аленушек (В.Ерофеев). Весьма выразительным оказывается использование коррелятивной родовой пары, один из членов которой представляет собой индивидуально-авторскую форму: Лабовь - это когда нет влечется к нете, не зная, что неты нету (С.Кржижановский. Страна нетов); Леди и джелътмenni, сници и сны,... (С.Кржижановский. Боковая ветка).

1.3. Формы среднего рода субстантивированных имен прилагательных и причастий нередко используются в художественной речи, ориентированной на литературность изложения, в значении качества, не связанном с каким-либо его носителем. Осознаваемые как бы вне самой идеи рода-пола такие формы приобретают широкое обобщенно-абстрактное значение, и именно поэтому типичны для тех фрагментов текста, где автор рассуждает на философские, общечеловеческие темы, передает внутреннее состояние героя. Например: Невероятности бреда мне врезаны в нероят-

ное (А.Белый. Котик Летаев); Чувствовала, что манит – манит вода, неведомое, смертельное, и углубила и поняла, что смертельно манит повсюду (Б.Ляляк. Смертельное манит). То же значение передается прилагательными, если они сочетаются с неопределенными местоимениями, например: Хотелось все-таки понять, откуда оно, это счастье, этот наплыв счастья, обращающего сразу душу во что-то большое, прозрачное и драгоценное (В.Набоков. Набор).

В § 2 с точки зрения стилистики последовательностей рассматриваются некоторые выразительные приемы, в основе которых лежит использование форм рода, выявляющих свой образный потенциал в тексте.

2.1. В структуре грамматического рода выделяются два типа оппозиций: семантические и асемантические. Для художественного обогривания представляет интерес первая разновидность противопоставлений, в которую включены, в частности, родовые коррелятивные наименования лиц по профессиям, роду занятий и т.п. Среди членов родовой оппозиции чаще форма женского рода является маркированной и стилистически сниженной.

Одновременное использование в тексте словоформ, находящихся в отношениях грамматической противопоставленности, подчеркивает родовую отнесенность каждой лексемы, вызывает возникновение дополнительных смысловых оттенков и повышает общую экспрессию употребления. Например, известная, неоднократно обогриваемая противопоставленность поэт – поэтесса в следующих фрагментах наглядно показывает, как грамматическая оппозиция может перерастать в смысловую: Певчая Марини Цветаевой – женская, но в отличие от Анны Ахматовой, она не поэтесса, а поэт. Читающий да разумеет (М.Осоргин. Поэт Марина Цветаева). Тот

же оценочный смысл передает другая словесная пара: Пишу большую не-статью о Н.Гончаровой, лучшей русской художнице, а может быть, и художнике (М.Цветева - А.Тесковой). Очевидно, что со-противопоставленность слов мужского и женского рода способствует семантической и стилистической осложненности контекста.

2.2. Грамматическая категория рода имени существительного и согласующихся с ним словоформ занимает важное место в механизме создания экспрессивной номинации. Выделяются следующие возможности использования выразительного потенциала данной категории в процессе наименования.

Во-первых, использование словоформы различной родовой принадлежности может лежать в основе такого композиционного приема, как кинематографический принцип движения от неизвестного к известному, отражения смены точек зрения персонажей, динамики восприятия говорящего. Например, приведенный контекст показывает, что различные формы рода выступают как знак чужого восприятия, когда они используются для называния одного и того же лица, предмета или явления: Дверь открывается. Но в комнату входит не жена Манделштама, а молодой человек... Он решительно и быстро подходит к Георгию Иванову и протягивает ему руку, - Здравствуйте, Жорж! Я вас сразу узнала... - Георгий Иванов смотрит на нее растерянно, не зная, можно ли поцеловать протянутую руку (И.Одоевцева. На берегах Невы). Эффект обманутого ожидания, усиленный использованием номинаций различной родовой принадлежности, придает особую выразительность повествованию.

Во-вторых, заметной деталью контекста, способствующей общей выразительности, становится обигрывание согласований при вариации тропов в тексте (при переходе от сравнительного или описательного оборотов к метафоре или метонимии). Например:

Антон увидел в ларьке... человечью занятую морду, широкую и рябую, как яичная глазуня... Человек с мордой-яичницей втащил его в ларек... Яичница ухмыльнулся и задумался (Б.Лавренев. Радио-заяц); Эвакуатор — мужичок в изрядно поношенной кожанке сказал... Кожанка уважительно заскрипела (В.Максимов. Четверг. Поздний свет).

2.3. В случаях метафорических переносов, сравнений, особенности олицетворений часто используется категория рода как средство дополнительной экспрессии. Категория рода имени существительного предопределяет образный строй при персонификации, влияет на выбор слов для метафорического сопоставления. Например: ...войдет невзначай в комнату, и комната та, как застигнутая врасплох купальщица, будто силится что-то утаить от его хозяйского взора (А.Белый. Серебряный голубь); Каждую ночь к Игнатьеву приходила тоска. Тяжелая и смутная, с опущенной головой садилась на краешек постели, — брала за руку — печальная сиделка у безнадежного больного (Т.Толстая. Чистый лист); Память, круглосуточная ополоумевшая телефонистка, подключает случайные голоса (А.Вознесенский. 0).

Таким образом, "разнесение слов по разным грамматическим родам увеличивает возможности персонификации неодушевленных предметов и тем самым становится движущей силой поэтической мифологии"¹.

Глава II. Стилистические функции грамматической категории числа в художественной прозе состоят из двух частей, описывающих функции числа имени нарицательного и имени собственного.

1. Изучение выразительных возможностей категории числа

¹ Илюбен Ф. Вопросы поэтики. М., 1987, с.37.

позволяет определить достаточно последовательную зависимость экспрессивных функций данной категории от типов речи. В социально окрашенной речи и в речи с установкой на литературность выделяются различные приемы, в основе которых лежит семантика категории числа. В связи с этим в § 1, в котором представлены стилистические функции категории числа с точки зрения стилистики единиц, выделяется два соответствующих раздела.

1.1. В художественной речи, ориентированной на характерологичность изложения, в качестве одного из средств имитации разговорности, отражения точки зрения героя используется форма числа в специфических для разговорной речи функциях. Например, мн. гиперболическое (Дело делать или дуэлями заниматься); мн. со значением многократности (распивать чай с мармелладами); мн. со значением вежливости (господин Ходасевич в парикмахерской бредется); ед. в обобщенно-собирательном значении. Экспрессивной речевой формулой является употребление собирательных существительных для называния одного лица, например: — И почему пусто? Я бы сам валял толшой на такую программу (Н.Тэффи. Проворство рук).

Создать иллюзию разговорности, передать местный колорит позволяют просторечные формы числа, которые стоят за пределами литературного языка, например: — Детей замучила, дура: одного на платинах замучила, другую в фигурное катание записала (В.Шукшин. Думи).

1.2. Собственно художественные приемы использования категории числа формируются в авторской художественной речи. Повышенное внимание к слову определяет не только эксплуатацию имеющихся форм, обыгрывание общеязыковых значений, но и постоянный поиск новых форм, необычных семантических наполнений. В

художественных текстах, имеющих установку на литературность, наблюдается изобилие существительных *singularia t.* в форме множественного числа. Это соотносится с их активным употреблением в поэзии XX века и определяется общей тенденцией изобразить мир не через конкретные образы, а через универсальные закономерности. Множественное число существительных *singularia tan.* способно обозначать расчлененность, протяженность, сложность, интенсивность и другие свойства предметов и явлений объективного мира, что предоставляет широкие возможности для его использования "не в прямой, количественной, функции, а в экспрессивно-поэтической"¹.

Указанные формы многочисленны в объективированном авторском повествовании, в речи автора "от себя", где раскрывается внутренний мир человека, содержатся рассуждения о смысле жизни, бытия, описание явлений природы и т.д. Среди них и достаточно обычные формы, например: жизни, любви, смерти, дружбы, редкости и т.п., и окказиональные употребления, например: бреды, денеты, носамости, гадливости (А.Белый); чумы, тшмэны, новизны (М.Цветаева); тецли, эхи (С.Кржижановский). К последним примыкают индивидуально-авторские образования форм числа, например, при субстантивации наречий или стяжений: много завтр, (М.Цветаева); дурацкие тэтатэты (В.Набоков); А вдруг не чужь? Мало ли каких а в д р у г о в посыпалось на нас с ясного неба со дня прихода войны (С.Кржижановский).

В § 2 функционирование нормативных и ненормативных форм числа рассматривается с точки зрения стилистики последовательностей. Выделяется 3 вида экспрессивного использования катего-

¹ Виноградов В.В. Русский язык. М., 1986, с.137.

рин числа: В двух из них - (2.1) конструкциях с однородными членами предложения, выраженными существительными в форме мн. числа и (2.2) при использовании оппозиции "ед. ч./ мн. ч." в контексте - эстетическая нагрузка у форм числа возникает в микроконтекстах, т.е. в таких отрезках речи, как предложение, абзац, сложное синтаксическое целое. Кроме того (2.3) употребление форм числа (в частности, мн. многократности) может являться особенностью идиостиля.

2.1. Синтаксические конструкции с развернутым рядом однородных членов предложения в художественной прозе используется в таком типе речи, как описание. Подобные конструкции часто заполняются именами существительными во мн. числе, которое способствует выражению общих, а не индивидуальных черт перечисляемых предметов, явлений. Неоднократное повторение форм мн. числа в речевой цепи делает значение форм, по выражению Ю.М.Лотмана, "не равной самой себе", обогащая ее дополнительными коннотациями и функциями. Например: Тротуары, асфальты, паркет, брандмауэры, тупики - образуют огромную кучу; эта куча есть мир; и его называют "Москва" (А.Белый. Котик Летаев); После тещ, свах, пшен, помойных ведер, наганов, Марксов - этот луч (голос), ударяющий в эту сизь (глаза)! (М.Цветаева. Вольный проезд); И, раздавленные ее серебряным голосом, мелким горохом посыпалась в разные стороны трамвай, книги, плавленые сырки, мокрые мостовые, птичьи крики, Тамары, чашки, безымянные женщины, уходящие года, вся брэнность мира (Т.Толстая. Река Оккервиль).

Перечисление множества предметов позволяет воссоздать определенный предметный мир, передать поток явлений, событий,

выразить авторскую оценку и мировосприятие. При этом отметим, что художественный синтаксис провоцирует образование множественного числа у слов, которым эта форма в обычном значении не свойственна (жары, пшени, Марксы и подоб.).

2.2. Опозиция "ед.ч./мн.ч." может стать конструктивной частью текста. В художественной речи намеренно сталкиваются формы ед. и мн. числа одного слова, т.е. происходит перевод парадигматических отношений в синтагматические, что вообще является характерной чертой поэтического языка. Со-противопоставленность указанных форм определяет "приращения смысла", появление дополнительных оттенков, что в конечном итоге служит созданию многозначности контекста.

Кроме идеи противопоставления (например: Чувствуется, что не все слова слышны, динамики резонируют, да и не нужны они, слова, - площади нужно Слово (А.Вознесенский. Поэт и площадь), рассматриваемые опозиции позволяют активизировать тонкие оттенки смысла, способствуют углублению метафоризации. Например: Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку - и руки, не страшаась суда - то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге... это на моих глазах сделала (М.Цветаева. Мой Пушкин); В общей сизой туче всех дымящих папирос всегда ловила ее отдельную струйку, следя ее от исхада губ до моря - морей - потолка (М.Цветаева. Пленный дух).

2.3. В художественной прозе как прием выделяется не только повтор формы (однородные члены предложения во мн. числе) или лексемы (в ед. и мн. числе), но и неоднократное использование в тексте определенной лексико-семантической группы слов во мн. числе. В работе представлены примеры из произведений

Б. Пильняка, в которых обилие форм мн. числа со значением многократности останавливает на себе внимание как особенность индивидуального стиля. Многочисленность форм утрами, рассветами, зимами, январями, июлями и т.п. в прозе этого автора свидетельствуют об особом понимании времени. Множественное число передает значение повторяемости, многократности явлений, создает ощущение неизбежности, вечности происходящего.

II. Имя собственное, обладающее "уникальной референцией" (Н. Д. Арутюнова), ориентированное на отнесенность к одному объекту, в форме мн. числа теряет свой специфический характер и используется метафорически или метонимически. Такое употребление не является открытием художественной литературы XX века, а лишь продолжает, развивает, значительно расширив и углубив диапазон эстетических возможностей, классические традиции. Анализ художественных текстов различных направлений современной художественной литературы позволяет говорить об активном употреблении мн. числа собственных имен как яркого экспрессивного средства.

Случаи выразительного использования форм мн. числа собственных имен рассматриваются в работе по указанному выше принципу: с точки зрения стилистики единиц (§1) и с точки зрения стилистики последовательностей (§2).

§ 1. Традиционно во вторичной, характеризующей, функции используются имена известных исторических лиц, литературных героев, названия мест. В авторском повествовании, в речи персонажей рассматриваемые формы передают значение обобщенности, типизация явлений. Важной функцией описываемых единиц является их способность передать оценку говорящего, его отношение к предмету речи - иронию, пренебрежение, шутливость и т.д.

Определяющим в формировании характера оценки является, безусловно, весь контекст, но существенную роль при этом играют именно нестандартные формы собственных имен, обладающие индивидуальными коннотациями и "энциклопедической информацией" (А.В.Суперанская) и выступающие, пользуясь выражением Р.Барта, как "отправные точки смыслообразования". Например: - Я не знаю, Никита Иванович, где вы сталкиваетесь с Пьерами Безуховыми, - сказал Митя, - мне все больше попадаются иудушки Головлёвы (В.Пьецух. Новая московская философия).

В §2 описываются стилистические функции однородных членов предложения, выраженных собственными именами существительными в форме мн. числа и оппозиции "ед.ч. собственного имени/ мн.ч. собственного имени".

2.1. Формы мн. числа собственных имен, соединяющие в себе конкретное и общее, могут использоваться для обозначения повторяющихся ситуаций. Они широко представлены в однородных синтаксических конструкциях. Например: Пиратское судно "Spreganza", избородившее на своем веку многие Панама, Сингапур, Бомбеи, Буэнос-Айрес, Сидней, - режет и режет воду (Б.Пильняк. "Spreganza"); Этот университетский профессор в широком свитке и мягкой шляпе был в известном градусе налит драгоценной эссенцией, укупорившейся в старину по головам Галилеев, Ньютон, Лейбниц и Паскалей (Б.П.астернак. Охранная грамота). Очевидно, что такое употребление всегда экспрессивно, т.к. выражение сравнения, оценки, качества, свойственное формам мн. числа собственных имен, усиливается их повторением.

2.2. Присутствие в одном контексте форм ед. и мн. числа собственного имени обнажает скрытое сравнение, которое несет в себе мн. число собственного имени. Происходит одновременная

актуализация общего и конкретного: характеризующая функция, значение "такие, как..." соединяются с идентифицирующей функцией и индивидуальными коннотациями имени. Например: О чем в девятнадцать лет? О любви (Лермонтов в шестнадцать лет "Парус", но это и среди Лермонтовых - исключение) (М.Цветаева. Пост-альпинист); - Фридрих-Вильгельм жаловался на Лейбница: "Пустой человек, но умеет стоять на часах!" Никто не требует от наших министров, чтобы они были непременно лейбницами. Но хоть бы на часах умели стоять! (М.Алданов. Ключ).

Выше отмечалось свойство мн. числа собственного имени обозначать множество схожих ситуаций, явлений, становится знаком свернутой информации. Семантический потенциал нестандартной формы полнее раскрывается в соединении с формой ед. числа собственного имени, например: "Вываться из Старого Пимена!" Сами не знали, что говорили. ...Но Россия со всеми Старыми Пименами взорвалась раньше (М.Цветаева. Отец и его музей); Аси я больше не видела... Уже шестнадцать лет я поняла, что внушать стихи больше, чем писать стихи, больше "дар божий", большая богоизбранность, что не будь в мире "Ась" - не было бы в мире поэм (М.Цветаева. Пленный дух).

Повторяемость ситуаций, передаваемая формами существительных во мн. числе, делает эту форму символом, носителем общенно-собирающего значения. Безусловно, что связь с индивидуальными коннотациями имени, его "память" всегда присутствуют в форме мн. числа и определяют скрытое сравнение (Аси - такие люди, как Ася). Эксплицирование формы ед. числа в тексте обнажает сравнение и усиливает выразительный эффект.

В Заключении представлены итоги исследования. Проанализированный материал позволил выделить основные виды стилисти-

ческого использования форм рода и числа имени существительного в художественной прозе: 1) отбор стилистически значимых единиц; 2) создание экспрессивных форм по существующим в языке моделям, а также окказиональных форм; 3) преобразование значений рассматриваемых форм в результате их со-противопоставленности в тексте.

1. В качестве характерологического средства в социально окрашенных типах текстов используются стилистически маркированные формы рода и числа. Художественная речь в целях имитации непринужденного общения, отражения точки зрения героя, как сигнал разговорной речи включает, например, женские родовые корреляты к наименованиям лиц по профессиям, диалектные и просторечные формы рода и числа. В целях стилизации в речи персонажей и в субъективированном авторском повествовании употребляются формы числа со значением мн. гиперболического, мн. многократности, ед. в обобщенно-собирательном значении, т.е. в значениях, специфичных для разговорной речи. С аналогичным эстетическим заданием достаточно активно используются формы мн. числа собственных имен (обычно это имена исторических лиц, деятелей культуры, литературных героев, а также известные топонимы).

Последовательный отбор некоторых грамматических фактов может стать отражением особенностей определенной художественной системы. Так, обилие мн. числа отвлеченных существительных является яркой приметой литературы символизма.

2. Создание экспрессивных форм по существующим моделям является одной из характерных особенностей речи персонажей и авторского повествования "от себя". В области категории рода в работе отмечены случаи окказионального образования

при назывании лиц (см., например, русал, обезьян, Аленушек и др.). При необходимости актуализации значения количества и его оттенков образуются формы числа там, где существуют общеязыковые ограничения. Среди достаточно обычных форм (типа радости, дружбы, любви, смерти и т.п.), активно функционируют авторские образования (например, вздорн, кривизнн, чумы, вдруги и др.).

3. Кроме отбора маркированных единиц для выполнения специфического художественного задания отмечены примеры текстовых преобразований значений форм рода и числа, всевозможные "приращения смысла", дополнительные эмоционально-оценочные коннотации, которые наблюдаются в результате со-противопоставленности форм в контексте.

В работе выделены приемы использования в тексте противопоставленности форм мужского и женского рода, оппозиции "ед. число/мн. число" (в том числе и собственных имен), употребления конструкции с однородными членами предложения в форме мн. числа (как нарицательных, так и собственных имен существительных). Возможен также прием неоднократного использования форм мн. числа существительных определенной лексико-семантической группы, в частности, существительных, называющих явления природы, времена года, периоды суток. Их концентрация, например, в текстах Б.Пильняка останавливает на себе внимание как особенность идиостиля автора.

Как распространенный художественный прием отмечается обыгрывание форм рода, а также согласующихся с именем словоформ при создании экспрессивной номинации в тексте. Категория рода используется в эстетической функции при олицетворении.

Основные положения диссертации отражены в следующих

публикациях:

1. Стилистические функции рода и числа в художественной прозе // Новейшие направления в лингвистике. - М., 1989, с.111-112.
2. О некоторых языковых средствах социальной характеристики в прозе В.Шукшина // В.М.Шукшин. Жизнь и творчество. - Барнаул, 1989, с.126-128.
3. О некоторых выразительных возможностях категории рода // Стилистика и поэтика. Тезисы Всесоюзной научной конференции М., 1989, с.84.
4. Изобразительные возможности грамматической категории числа имени в художественной прозе. - Доклад депонирован в ЦИТБ, г.София - № Нд 3501/90.
5. Выразительные особенности категории рода в русской художественной прозе // Русский язык: Актуальные проблемы диахронии и синхронии. - М., 1991, с. 195-204.
6. Нестандартные формы числа имен существительных как источник выразительности в художественной прозе // Лингвистическая семантика и прагматика. Москва - Харьков, 1991, с.191-192.
7. Стилистические функции грамматических категорий рода и числа имени существительного в художественной прозе // Стилистические ресурсы русского языка. - М. (в печати).

Миронцова

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
520 EAST 57TH STREET, CHICAGO, ILL. 60637
TEL: 773-936-3200

1. Взаимодействие функций роста в тканях в культурных условиях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.
2. Связь между процессом деления соматической клетки и процессом роста // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.
3. Связь между процессом деления соматической клетки и процессом роста // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.
4. Взаимодействие процессов деления и роста в тканях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.
5. Взаимодействие процессов деления и роста в тканях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.
6. Взаимодействие процессов деления и роста в тканях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.
7. Взаимодействие процессов деления и роста в тканях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Биол. науки. - 1985. - 117: 212.

ПОДАРУМОТ ІМЦ РАН

В печать 25.03.92г. Заказ № 89

Тираж 100 экз.

1070112

AB 25.529

2

0